



УДК 821.161.1.09«1992/...»  
ББК 83.3(2=Рус)6

## ЛЕОНИД ЛЕОНОВ В ОБЪЕКТИВЕ УЛЬЯНОВСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ (2006–2011)

*В.С. Воронин*

Ряд конференций, проводимых Ульяновским государственным техническим университетом в русле общего направления «Литература и культура в контексте христианства», привлек внимание не только филологов, но и философов, представителей естественно-научных областей знания. Получилось так, что последнее произведение Леонида Леонова (роман «Пирамида») оказалось интересным и физикам, и лирикам, и верующим, и атеистам. Свои штрихи в ульяновский портрет Л.М. Леонова (2006–2011) внес целый ряд исследователей: А.Ю. Большакова, Никола Грдинич, В.С. Воронин, А.А. Дырдин, Н.И. Зайцев, В.Е. Кайгородова, Богдан Косанович, Н.Л. Леонова (дочь писателя), Фридерик Листван, А.Г. Лысов, В.М. Матушкина, Н.А. Непомнящих, Н.В. Сорокина, В.С. Федоров, В.И. Хрулев, Л.П. Якимова.

К 2006 году острота вопроса о несоответствии «Пирамиды» канонам православного христианства и ее еретичности (М. Дунаев, А.М. Любомудров) сошла на нет. Концепция «трагического оптимизма» леоновского романа-завещания (А.А. Дырдин, А.Г. Лысов) возобладала. Однако упреки в пессимистичности произведения продолжались. Как писал Т.В. Рыжков, «дьявол есть, но отсутствует Христос, есть речь о Боге, но нет его положительного присутствия, есть мысль о «конце истории», но сюжет обходится без идеи преобразования мира и воцарения добра» [7, с. 90]. Но почему же? В сновидениях о Матвее Христос присутствует. Именем Бога, стоящего при дверях, заклинает фининспектора Гаврилова попадья, и этот делец от социализма попадает в такой переплет, что относительное и локальное добро в этой истории торжествует.

Правда, несколько оксиморонного толка. В дверях карьериста ждет не Бог, а дядя-провокатор, и тот не знает, как отделаться от такого страшного родственника. Чтобы увидеть оптимизм «Пирамиды», нужно немного отойти от двузначной логики. Автор пишет об обоюдонесовместимых сущностях духа и глины, пребывающих в человеке, но они спокойно сосуществуют уже долгое время. Значит, они сосуществуют без аннигиляции, в некоей неопределенности, подразумевая достаточно долго длящийся цикл. Этих циклов упадка и возрождения в «Пирамиде» множество. Как долго будет существовать человечество? За это отвечает не Бог, а люди, и Леонов многократно дает это понять и почувствовать. Печальные странички будущей истории, как обещает ангел Дымков, можно еще успеть переписать. Леонов фокусирует все в настоящем, стягивает к нему прошлое и будущее, неизмеримо поднимает ответственность каждого человека за предстоящее далеко в грядущем. А.В. Татаринцов разводит в разные стороны романы Достоевского и Леонова: «Герои Достоевского – под знаком эсхатологии. Герои Леонова, да и сам автор – под знаком Апокалипсиса» [8, с. 74]. Говоря другими словами, герои Достоевского и сам он еще могли надеяться на благополучный исход их общих устремлений, положение же леоновских персонажей вполне безнадежно. Между тем текст «Пирамиды» достаточно оптимистичен, если смотреть с точки зрения возможного более худшего варианта. Даже Юлия Бамбалски умеет вовремя отвергнуть свою жестокую мечту о водной глади на месте Москвы. Отрицательный фининспектор Гаврилов до того, чтобы стать негодяем, не дошел... В боль-

шой статье А.Г. Лысова «О некоторых итогах и перспективах леоноведения. Леонов и Запад: к постановке проблемы» авторитетный исследователь привлёк внимание коллег к словам Леонова о Есенине: «Есенин не вмещался в крайности берегов... Он спешил быть всем» [6, с. 5]. Можно вспомнить строчки Есенина: «Стыдно мне, что я в бога верил, / Горько мне, что не верю теперь» [4, с. 190]. Художник всегда идет против господствующей моды времени не только ради оригинальности, но и с тем, чтобы полнее охватить реальность. Статья А.Г. Лысова вовлекает в исследование творчества Леонова широкий контекст западной культуры, выстраивает дополнительные измерения леоновского слова. Незаурядную интуицию и изощренную эрудицию демонстрирует автор, увязывая французскую XV века Агнессу Сорель, Пушкина и Леонова в единый историко-литературный узел.

С целым рядом статей, посвященных художественной философии писателя, выступил бессменный организатор Ульяновских встреч леоноведов А.А. Дырдин. Он выделяет концепцию трагического оптимизма, укорененную в христианстве, близкую самому писателю, что позволяет видеть и последний художественный опыт Леонова не беспросветно темным, проводит интересное сопоставление творческих манер М. Шолохова и Л. Леонова и приходит к выводу, что у обоих писателей доминирует «народно-трагическое представление о мире» и «стяжение содержания произведения к многомерным символам (природным, философско-религиозным, космическим), объединяющим трагедию героя с общенародной судьбой» [2, с. 64]. Архетипам современной прозы посвящены статьи А.Ю. Большаковой. По ее мнению, в современную русскую прозу возвращается реализм, и традиции Леонова, его интегральный стиль, несомненно, будут использованы. В.И. Хрулев, автор нескольких книг, посвященных поэтике творчества и художественному мышлению писателя, оптимистически полагает, что леоновские романы могут оказаться востребованными читателями XXI века, хотя «в отношении к человеческой истории Леонов отвергает идею беспечного оптимизма, подвергает ее беспощадной иронии», а развитие человечества «включает в себя и катастрофу как неотъемлемую фазу движения» [10, с. 11].

Контуры исследования метафизики вещей леоновского художественного мира намечает А.А. Дырдин с выходом к глубинным принципам «овеществления людей» (термин В.В. Виноградова) и оживления вещей. Суть в том, что они в леоновском творчестве в ряде случаев переплетаются. О герое «Барсуков» Гарасиме сказано, что он «жил и не старел. Нестареющий, он напоминал собою дуб». Возникает параллель с тургеневским Герасимом. Как замечает А.А. Дырдин, «эффект мерцания смыслов в разных тезаурусах создает обстановку забытых межпредметных смыслов, потаенных значений» [3, с. 59]. У молодого писателя не стареют дубы и люди. У позднего Леонова стареть начнут даже звезды, но наряду с этим начнет омолаживаться земля. Насколько константна в своих проявлениях метафизика вещей Леонова? Ведь писатель прожил почти век жизни, и пусть сейчас стоящая в финале «Пирамида» становится как бы ключом к предыдущим произведениям художника, однако мировосприятие Леонова менялось со временем, учитывало исторический опыт, необходимым образом преобразовывалась метафизика вещей и явлений его художественного мира. Исследователь отмечает укорененность творческих интенций Леонова в национально-православном типе понимания бытия как творения и их родственность онтологии П. Флоренского. С другой стороны, жить и не стареть означает быть выключенным из ряда биологических изменений, и поэтому над такой сверхжизнью нависает тень смерти. Число таких парадоксов у Леонова, особенно в «Пирамиде», можно множить и множить. В ряде наших статей («Антиномии Канта и неопределенность творящего и творимого в «Пирамиде» Л. Леонова», «Художественная логика и фактор времени в романе Л. Леонова «Пирамида»), опубликованных в материалах Ульяновских конференций, мы попытались использовать многозначные логические системы для разрешения противоречий, возникающих почти на каждом шагу осмысления леоновского текста.

О сквозной роли вставных элементов в леоновском творчестве, о герменевтических парадоксах «Русского леса» пишет Л.П. Якимова, показывающая, что и этот роман, прочитанный из порубежного десятилетия XX века, обнаруживает свои скрытые координаты. Она отмечает, что Поля Вихрова – главная

героиня романа – предстает в своих противоречивых потенциях, ведущих к типу новой «железной» девушки или к некоей предтече Дуни Лоскутовой из «Пирамиды». Исследуя своеобразную ауру кажимости, в которую погружает автор суждения своих молодых, чистых, но наивных героев, исследователь показывает, как Леонов обнажает перед читателем скрытую сторону внешне светлой истории.

Никола Грдинич в статье, посвященной данному роману («Русский лес» как роман идей), замечает, что только из порубежья тысячелетий критики и читатели смогли заметить, что в романе «нереальное представляется... как реальность» [1, с. 82], приводя в подтверждение своих слов цитату, говорящую о том, что сам лес помогает Поле Вихровой уходить от опасности. На самом же деле мысль Поля уйти от опасности и следование внешнего объекта этой мысли – воплощение древнейшей мечты человечества, а в истории философии – третья забытая линия развития Парменида, согласно которой одно и то же – предмет и мысль о нем.

Своей «Пирамидой» Леонов опроверг максимум, что самые великие творения художников остаются незаконченными. Конечно, дописывал он это произведение, уже будучи слепым, диктуя его, и опроверг вышеназванную аксиому он лишь частично. В его произведении много длиннот, повторений, имеются расхождения в опубликованных книжной и журнальной версиях, в какой-то мере роман можно назвать незаконченным. По мысли В.И. Хрулева, «писателю не удалось добиться единства и слитности философско-публицистического и изобразительного материала» [9, с. 68]. Неорганичным кажется исследователю и включение обширных размышлений автора о Вселенной и природе человека в контекст художественного произведения, но, на наш взгляд, эти общепублицистические дополнения и делают роман более масштабным, отвечают грандиозной задаче, поставленной автором в самом начале повествования, делают его непредсказуемо интересным не только для нас, но и для будущих времен. Как полагает В.И. Хрулев, требуется новое выверенное издание романа с учетом всех разночтений. Есть мнение, что издать необходимо ранний вариант этого произведения под названием «Ангел» (А.А. Дырдин).

Автор этих строк полагает, что все зависит от той точки зрения, с которой смотреть на роман. Мы считаем, что роман – *художественная критика человеческой истории*, и в этой своей ипостаси все его версии выполняют свою работу. Подпрыгивание на месте, повторения, затрудненность осмысления – все это есть в истории цивилизации, критику которой с таким блеском выполнил Леонид Леонов в последнем своем произведении.

Историю леоноведения в миниатюре воссоздает глубоко патриотичная, но временами излишне метафоричная и публицистичная статья Н.И. Зайцева «Пирамидная проблематика и методология леоноведения конца XX – начала XXI века».

Ряд наблюдений над функциями жанровых элементов волшебной сказки, афоризмов и аллюзий в поэтике Леонида Леонова высказал польский исследователь Фридерик Листван. Он прослеживает преломление сказки «Покати-Горошек» в леоновском «Взятии Великошумска», показывает как пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке» обнаруживает себя в «Пирамиде», где роль капризной старухи достается Юлии Бамбалски, а всемогущей рыбки – ангелу Дымкову. С поэмой-сказкой «Руслан и Людмила» оказывается связанным образ пушкинского кота, возникающей в речи персонажа «Пирамиды» старика Дюрсо, рассуждающего о необходимости надежного закрепления таланта. Тема таланта на цепи, таланта, управляемого прутиком, находит свое отражение в мотивной структуре «Пирамиды». Исследователь приходит к выводу, что сказочные образы и мотивы «выступают как основа параллели, как средство раскрытия образа героя и пополнения образа эпохи сталинского режима, используются в качестве сюжетообразующего фактора или вызывают определенную ассоциацию» [5, с. 31].

Н.А. Непомнящих говорит об отражении модели русского антинигилистического романа в отдельных элементах леоновской «Пирамиды». При всей обоснованности выводов исследователя, их плодотворности и свежести, следует сделать несколько замечаний общего характера. Интуиция автора статьи не обманула. Начинает он с романа Чернышевского «Что делать?» и его героя Рахметова, обнаруживающего определенные параллели с образом Вадима Лоскутова из «Пирамиды». Однако при бли-

жайшем рассмотрении может оказаться, что и большинство персонажей леоновского романа скорее нигилисты, чем антинигилисты. Мало-симпатичных нигилистов мы найдем и в тургеневских «Отцах и детях». А Леонов ни в малой мере не карикатурит своих нигилистов, как делали это авторы антинигилистических романов, даже дьявол у него – личность серьезная. Поэтому если говорить о «Пирамиде», то здесь уместно будет увидеть пару вращающихся романских моделей: нигилистическую и антинигилистическую, используется и та, и другая. В общем смысле наивно полагать, что только нигилисты отвечают за разрушительную революцию и ее последствия. Исторические исследования прекрасно показали, как взаимно заигрываясь, раскручивали воронку вихря революции и царская охранка, и революционеры.

Конечно, мы можем видеть, что в «Пирамиде» огонь и пожар имеют большей частью отрицательную символику возможного самоуничтожения человечества. Вместе с тем дело этим не исчерпывается. Леонов сумел дать «трагическую подоплеку человеческого бытия, predeterminedенную извечностью борьбы Добра и Зла» [11, с. 172] в прочном сцеплении и с идеями христианства, и с мыслью Гераклита: «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающим и мерами потухающим».

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грдинич, Н. «Русский лес» как роман идей / Н. Грдинич // Наследие Л.М. Леонова и судьбы русской литературы : материалы VII Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 9–12 сент. 2010 г. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – С. 79–83.
2. Дырдин, А. А. Л. Леонов и М. Шолохов: о несходстве сходного / А. А. Дырдин // Наследие Л.М. Леонова и судьбы русской литературы : материалы VII Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 9–12 сент. 2010 г. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – С. 57–66.
3. Дырдин, А. А. Вещественность пространства и метафизика мира вещей в прозе Л.М. Леонова

ва / А. А. Дырдин // Художественно-философские модели мироздания в творчестве Л. М. Леонова и в русской литературе XIX – начала XXI столетий : материалы VIII Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 7–9 сент. 2011 г. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – С. 51–59.

4. Есенин, С. А. Собрание соч. : в 3 т. Т. 1 / С. А. Есенин. – М. : Правда, 1977. – 448 с.

5. Листван, Ф. Волшебная сказка в творчестве Леонида Леонова / Ф. Листван // Художественно-философские модели мироздания в творчестве Л. М. Леонова и в русской литературе XIX – начала XXI столетий : материалы VIII Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 7–9 сент. 2011 г. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – С. 19–31.

6. Лысов, А. Г. О некоторых итогах и перспективах современного леоноведения. Леонов и Запад: к постановке проблемы / А. Г. Лысов // Литература XI–XXI веков. Национально-художественное мышление и картина мира : материалы Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 20–21 сент. 2006 г. В 2 ч. Ч. 2. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – С. 5–31.

7. Рыжков, Т. В. Эсхатологический сюжет в романе Л. М. Леонова «Пирамида» / Т. В. Рыжков // Литература XI–XXI веков. Национально-художественное мышление и картина мира : материалы Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 20–21 сент. 2006 г. В 2 ч. Ч. 2. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – С. 79–90.

8. Татаринов, А. В. Апокалипсис Леонова и эсхатология Достоевского / А. В. Татаринов // Литература XI–XXI веков. Национально-художественное мышление и картина мира : материалы Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 20–21 сент. 2006 г. В 2 ч. Ч. 2. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – С. 69–74.

9. Хрулев, В. И. Проблема целостности романа Л. Леонова «Пирамида» / В. И. Хрулев // Литература XI–XXI веков. Национально-художественное мышление и картина мира : материалы Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 20–21 сент. 2006 г. В 2 ч. Ч. 2. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – С. 63–68.

10. Хрулев, В. И. Леонид Леонов и XXI век / В. И. Хрулев // Наследие Л. М. Леонова и судьбы русской литературы : материалы VII Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 9–12 сент. 2010 г. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – С. 7–15.

11. Якимова, Л. П. Герменевтические парадоксы романа Леонида Леонова «Русский лес» / Л. П. Якимова // Художественно-философские модели мироздания в творчестве Л. М. Леонова и в русской литературе XIX – начала XXI столетий : материалы VIII Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 7–9 сент. 2011 г. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – С. 139–173.